

Егда христианин, не хотя их жертвам приобщатися ... молитвует втай ... уведев же, еретицы на нь, и бив его, совсем разорят, яко острей каркин, съедят совсем».¹⁴ Ярким примером своеобразной переделки Аввакумом сентенций Иоанна экзарха является использование им заключения рассказа о «лукавой» многоножище. В Шестодневе: «Тацци то сут нравом, иже присно у властель сут, да на всекы потреби премешут се ... Чистоту чьтуше и любеще с любещими чистоту, а с нечистыми нечистоту, якоже кто их любит, инако же си и умы свое премешуще и годеще им, им же велми се творет любещее, и тою любовию покрывено их ест пронирыство».¹⁵ У Аввакума: «Тацци мнози суть человецци во градах пронирыливы, коварни суть, пременяются на нравы различныя, друг друга оманываю. А наипаче суть в духовном чину малии и велицци изменяют лица своя. Кажутся яко постницци, даже вящши чин улучат, егда же въздет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святаго отца кожа възмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная».¹⁶

Широко известна характеристика, которую дает Аввакум своим богословским и истолковательным сочинениям, сравнивая себя с нищим, собирающим милостыню у богатых людей, — Христа, апостола Павла, Иоанна Златоуста, пророков Давида и Исаяи: «Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу... У богатова человека, царя Христа, из Евангелия, ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, ис полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давида царя и у Исаяи, пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошель да и вам даю, жителям в дому бога моего» (РИБ, 548). Эта характеристика собственных сочинений, их источников и приемов использования имеет в основе своей сравнение Иоанна экзарха из его Пролога к Шестодневу: «Си же словеса шесть ... не о себе мы есм съставили, нь ово от Екъсамера светааго Василия истовая словеса, ово же и разумы от него въземлюще, такожде и от Иоана, а другое от других, аще есм къждо что почитали иногда. Тако же есм съплатили се, якоже се бы кто минуем владыкою, и мимоходящю владыце възхотел би храм ему сътворити. Не имущю ему, чим сътворити, шед би к богатым съспросил от них — от ового мърморь, от другааго брьселита, ти стены би възградил, мраморомь помостил съпрошением от богатых ... Сице бо достоин не имущюму в дому своем ничесоже. Сице бо е нищий наш ум, да не имущю в дому своем ничесоже, стуждимь възгради словеса си, приложи же и от нищааго дому своаго».¹⁷

Аввакум по-своему развивает сравнение Иоанном экзархом писателя, создающего свое сочинение (своеобразный храм «владыце»), «съпрошением от богатых», с «неимущим». Аввакум осмысляет это сравнение в буквальном плане «писатель — нищий» и развивает его в образах конкретной русской действительности: он подобен нищему, собирающему милостыню под окнами богатых людей — купцов, торговых людей, посадских. Появляется устойчивая система образов-символов: его сочинения — «кошель» с собранным хлебом, «ломоть хлеба» и «целая коврига мяхкова хлеба» — из Евангелия, «кусок словес» — Златоуста, «четвертины хлеба» — пророков Давида и Исаяи. Тем самым создается подтекст для определенного восприятия самого Аввакума, так как с образом нищего

¹⁴ Житие, ГИХЛ, стр. 272.

¹⁵ Шестоднев, лл. 167 об.—168.

¹⁶ Житие, ГИХЛ, стр. 273.

¹⁷ Шестоднев, лл. 6—6 об.